

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Н. Ф. Котляр

КНЯЖЕСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Речь пойдет о княжеском дворе, властном институте, регулировавшем экономическую и социальную жизнь страны, бывшем средоточием культурной, религиозной и вообще духовной жизни, способствовавшем государю в отношениях с близкими и далекими соседями, стимулировавшем процессы, происходившие в княжестве во второй половине XII — XIII в. Личность и деятельность князя решающим образом влияли на деятельность государства и сплачивали народ — конечно же в том случае, если государь соответствовал своему назначению.

Предыстория двора. Он пришел на смену примитивной властной структуре предыдущего времени, состоявшей из приближенных к князю дружинников. Ведь Древнерусское государство родилось и развивалось длительное время в родоплеменном обществе и более ста лет носило дружинный характер¹. Господствующий слой страны был представлен верхушкой дружины, из дружинников же в течение десятилетий складывался элементарный аппарат управления, дружинники собирали дань и вершили суд на местах. Так продолжалось примерно с конца IX до середины XII в.

Но со второй половины княжения Владимира Святославича (978—1015 г.) дружинная форма государственного устройства постепенно начинает изживать себя. Князя теперь окружают наиболее способные к управлению люди, принадлежность их к дружине вовсе не обязательна. Да и сама дружина все больше расслаивается, из нее выделяется боярство. Со второй половины XII в. дружина перестает быть единственным правящим слоем в княжестве, господствующие позиции сохранила лишь ее верхушка. Зарождение же в течение второй половины XI — XII в. индивидуального землевладения, стратификация общества выдвинули на первый план социальной жизни иную общественную прослойку — земельную аристократию из числа все тех же старших дружинников, боярства и старой племенной знати, сумевшей превратиться в бояр. Особенно ярко это проявилось в Галицкой земле в 40—50-е годы XII в.

Термин «княжеский двор» в значении властной структуры зафиксирован источниками со второй половины XII в. Исследовавший это явление на материале северо-западных и северо-восточных источников В. Д. Назаров утверждает, что институт двора возник не позднее последней трети XII в.² Существуют серьезные основания распространить этот вывод на все древнерусское общество второй половины XII в. Сильный и постоянный импульс своему развитию двор получал

¹ Мельникова Е. А. К типологии становления государств в Северной и Восточной Европе // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 39.

² Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1979. С. 104.

благодаря тому, что эта структура, рожденная в значительной мере нарастанием удельной раздробленности, была особенно важна для государя и его власти в эпоху разъединения страны. Ибо двор как ближайшее окружение князя и боевой отряд, всегда находившийся у него под рукой, был особенно необходим в годы, когда князья боролись между собой за все новые и новые владения, часто сменяли столы, перебираясь с менее выгодного и престижного на лучший. Тогда двор также перебирался в новый для него город, ощутимо влияя и на его жизнь, и на жизнь той земли.

Первоначально княжеский двор выполнял те же функции, что и дружинное управление. Бояре и старшие дружинники представляли государя на местах, дани и судебные мыта в пользу князя собирали посадники и тиуны, администраторы княжеского хозяйства. Из собранного они выделяли десятину церкви и оставляли часть себе как содержание на службе. Податная и административно-судебная системы материально обеспечивали княжеских людей денежным и натуральным содержанием за исполнение служебных обязанностей.

Во вступительной статье к Новгородской первой летописи младшего извода книжник с восторгом и ностальгией вспоминает об идеальных временах отношений между князем и дружиной: «Како быша древнии князи и мужие ихъ, и како отбараху Руския землѣ, и ины страны придаху под ся; тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ виръ, ни продажъ въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющесе и ркуще: „Братие, потягнемъ по своемъ князѣ и по Русской землѣ”»³. Прочитанные слова относились не только к дружине — с течением времени они все больше касались всех вассалов князя: бояр, должностных лиц и слуг.

Внешне все в конце XII — XIII в. выглядело, как и раньше. Те же люди выполняют от имени государя властные и прочие функции, как и раньше, получают то же самое, привычное вознаграждение. Но в действительности все обстояло сложнее. Организация служилых государю людей претерпевает серьезные изменения под давлением универсальных для всей Руси процессов социально-экономической и духовной жизни, рожденных прежде всего нарастанием явлений удельной раздробленности. Кучка мало организованных дружинников, обеспечивавших ранее функционирование власти, постепенно перерастает в организацию государственного управления, администрацию — княжеский двор. Далеко не всегда он прямо упоминается в летописи. Чаще всего — в Новгородской первой младшего извода. Но не следует думать, что существование двора было исключительной прерогативой Новгородской боярской республики и приглашенного ею князя со стороны. Без двора на Руси, да и в прочих странах, государь не мог ни управлять, ни просто существовать. Ведь в Новгороде, как нигде больше (за исключением разве что соседнего Пскова), бурлило и пенилось противостояние князя с двором и новгородской общиной во главе с вечем. Это постоянное соперничество побуждало летописцев отделять князя и его окружение от новгородцев, прежде всего от веча. Княжеский двор выступает в новгородских источниках самостоятельно, в качестве особой политической силы, и поэтому упоминается чаще, чем в других летописях.

Дворы Киева и Галича в летописях, в частности Галицко-Волынской, скрываются за общими терминами, прямых же известий о них в источниках мало. Но в контекстах известий южнорусских летописей княжеский двор этих стольных городов Южной Руси (даже если он прямо не упоминается) действует не менее активно, чем в Новгороде. Самые многолюдные дворы имели великий князь киевский и государи крупнейших на Руси княжеств: галицкий, волынский (в XIII в. галицко-волынский), владимири-суздальский, черниговский, рязанский, смоленский, тверской.

Наиболее подробно и ярко повествует о княжеском дворе и его людях Галицко-Волынская летопись XIII в. В ее текстах ощущаются живые интонации очевидцев и участников событий. Идейная направленность летописи явственно проступает едва ли не на каждом листе. Ее редакторы и составители всецело одобряют сильную княжескую власть, способную укротить феодальную

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 104.

оппозицию и защитить народ от внутреннего и внешнего врага. Они гневно осуждают жадных, эгоистичных, заносчивых и льстивых бояр, способных ради достижения собственных целей в любой миг бросить Галичину и Волынь в руки иноземных поработителей. А ведь именно бояре составляли фундамент двора князей Романовичей!

Двор Галича. Как и повсеместно на Руси и в Европе тех времен, двор Галицкого (затем Галицко-Волынского) княжества был не только местом нахождения государя, но и политическим и социальным центром, он конституировал и укреплял различные области жизни страны. В своем составе двор объединял представителей разных социальных страт: от ближайшего окружения государя, высших сановников (печатника, дворского, тысяцкого, советников), бояр и воевод до дворян и министерялов. Обычно все эти люди, каждый в своем общественном круге, были связаны отношениями родства, дружбы, общностью службы, что делало их корпорацией, пусть и разделенной на общественные слои. Так было всюду, и в Европе, и на Руси XIII в., но не в Галицкой земле, поскольку там двор четко разделялся на две части, с трудом сосуществовавшие в мирное время, но чаще враждовавшие между собой: волынскую и галицкую. Длительное время, вплоть до истребления верхушки галицкого боярства в 1245 г., Даниил Романович мог доверять лишь волынянам, полагаться только на них. Эту сложность двора Романовичей исследователь обязан постоянно держать в поле зрения.

Все это существенно затрудняло конструктивную деятельность двора Романовичей, разрывавшегося противоречиями и раздорами, а часто делало невозможным проведение князем своей политики при помощи двора. С другой стороны, эта противоречивость и неоднородность состава княжеского двора делали неэффективным его влияние на государя, лишали чинов двора и других высоких сановников возможности вершить политику, бывало, не оглядываясь на государя. Необходимо отметить, что подобный состав галицкого двора в XIII в., неутрачивающее соперничество между различными группировками облегчало проникновение в его состав людей незнатных, строивших свою служебную карьеру на соблюдении верности либо самому князю, либо тому или иному сановнику.

Для конкретного изучения деятельности двора Романовичей (как и любого иного двора на Руси XII–XIII в.) необходимо сосредоточиться на деятельности и функциях его служащих. Предварительно замечу, что все эти служащие длительное время выполняли свои обязанности *de facto*, поскольку их должности не были за ними закреплены законодательно или как-то иначе⁴. Это отвечало реальностям средневековой политической и социальной жизни, часто вынуждавшей государя давать поручения не определенным личностям, а тем, кто находился под рукой. Правда, с течением времени, к концу XII в., источники называют отдельных людей (обычно бояр), за которыми все же закреплялись определенные функции, чаще всего военного или дипломатического характера. Подобная относительная специализация постепенно укоренялась в Галицко-Волынском княжестве Романовичей XIII в.

Даже наименования главных придворных чинов — дворского, тысяцкого, печатника — не всегда соответствовали отраженным в источниках поручениям государя, которые они выполняли. Прежде всего, это относится к дворскому, первому чину княжеского двора на Руси. Дворские бывали не только княжеские, но и земские, выборные представители городской общины. Далее речь пойдет о тех дворских, которые входили в состав княжеского двора.

Дворский. Круг обязанностей дворского в источниках, прежде всего в летописях, в сущности, не обозначен либо очерчен слишком широко. Недаром словари древнерусского языка обычно избегают толкования понятия «дворский». В прекрасном словаре Срезневского оно вовсе

⁴ М. Б. Свердлов справедливо заметил по этому поводу: чинам княжеского двора давали лишь отдельные поручения, но придворными титулами эти должности еще не стали (см.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 590).

не раскрыто, а в новейшем «Словаре древнерусского языка» сказано кратко и невыразительно: должностное лицо при дворе князя, боярина⁵. Не существует единства или хотя бы близости мнений о месте дворского в феодально-иерархической структуре княжества, его роли в деятельности княжеского двора⁶.

Дабы разобраться в обязанностях дворского и получить представление о его значении при дворе Даниила и Василька Романовичей, обратимся к известиям Галицко-Волынской летописи. Более тридцати лет дворским при Данииле был боярин Андрей. Впервые на страницах источника он появляется в описании событий 1225 г., когда Даниилу, тогда молодому волынскому князю, довелось обороняться от войска тестя, галицкого князя Мстислава Мстиславича, и белзского князя Александра. Романовичи одержали победу, захватили пленных и добычу, «и бывшимъ посломъ от обоихъ, и пущень бысть Демианъ и Андрей»⁷. Через три года летописец называет Андрея среди воевод, посланных государем на Луцк, незаконно захваченный князем Ярославом Ингваревичем. Воеводы быстро и умело подавили выступление Ярослава, и Даниил присоединил Луцк к своим волынским владениям⁸. Источник дает основания считать, что вплоть до 1238 г. Андрей был дворским волынского двора Романовичей. Затем он становится дворским восстановленного Даниилом Галицко-Волынского княжества.

На основе данных летописи создается впечатление, что Андрей был прежде всего воеводой и принадлежал к лучшим среди них при дворе своего князя. В этой роли он выступает в Галицко-Волынском изводе при описании событий 1241 г. Тогда Даниил решил подавить очаг боярского сопротивления в Галицкой земле: «Даниль же дворецкого посла на Перемишль, на Костянтина резанского, посланного от Ростислава⁹, и владыци перемыслскому коромолующу с ними ему. И слышавъ Костянтинь Андрея грядуща на не, избѣже нощию. Андрей же не удаси (не застал. — Н. К.) его, но удаси владыку и слуги его разъграби гордѣи...»¹⁰.

Точно так же дворский Андрей выступает в роли одного из главных военачальников Даниила Романовича в поведанном летописью эпизоде 1243 г. Тогда Даниил пошел воевать краковского князя Болеслава и разделил свое войско: «Самъ Данило воева около Люблина... дворский же Ондрей по Сяну»¹¹. Галицко-волынское войско двинулось на Польшу несколькими дорогами. Даниил действовал в окрестностях Кракова, его брат Василько — в бассейне реки Лады, Андрей же добрался до Сандомира¹². Роль дворского в той кампании была немалой.

Умелым полководцем и храбрым рыцарем дворский Андрей проявил себя в знаменитой Ярославской битве 1245 г., когда Даниил поручил ему командовать одной из важных частей своего войска. Галицкий государь расположил свои силы следующим образом: центр приказал держать «малой дружине»¹³ дворского Андрея, свой главный и сильнейший полк поставил на левом фланге. Правый фланг занимал более слабый полк Василька Романовича. Можно прийти к выводу, что Даниил Романович сознательно ослабил центр, дабы завлечь врага в глубь боевого порядка своего войска и нанести решающий удар противнику полком левой руки, взяв его в кольцо. Стратегически ему удалось переиграть венгерского воеводу Фильния, командовавшего объединенными силами венгров, поляков и галицких бояр, противников галицкого государя.

⁵ Словарь древнерусского языка (XI—XIV в.) в десяти томах. М., 1989. Т. 2. С. 449.

⁶ См. одну из диссертационных работ этой тематики: Самодуров И. В. Институт дворских в средневековой Руси XII — начала XVI в. АКД. М., 2003.

⁷ Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 91.

⁸ Там же. С. 93—94.

⁹ Служилый князь Ростислава Михайловича черниговского, соперника Даниила Романовича в борьбе за галицкий стол.

¹⁰ Галицко-Волынская летопись. С. 112—113.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Labuda G. Zaginiona kronika w Rocznikach Jana Diugosza. Poznac, 1983. S. 148.

¹³ Воинский контингент княжеского двора.

Дворский с немногочисленным отрядом воинов княжеского двора точно выполнял план сражения, предложенный государем: «Андрѣви же дворьскому тѣснящюся, да не сразится¹⁴ с полкомъ Даниловымъ, ускоривъ съразися с полкомъ Ростиславимъ крѣпко». Летописец ярко и эмоционально воспроизвел силу и жар битвы: «Копиемъ же изломившимся яко отъ грома трѣсновление бысть, отъ обох же мнози, падша с коней, умроша, и инии уязвени быша отъ крѣпости ударения копейнаго»¹⁵. Сдерживая натиск превосходящих сил врага, ратники Андрея медленно отходили к речке Сану, «Андрееви же оставшюся съ малому дружины, въездя крѣпци борящесе с ними». Его полк понес большие потери, и Даниил Романович послал ему подкрепление¹⁶. Благодаря стойкости и мужеству своего дворского Даниил выиграл битву возле Ярославла.

И в дальнейшем дворский Андрей принимал активное участие в войнах братьев Романовичей, возглавляя отряды их войска. В конце 1248 — начале 1249 г. они осуществили масштабный победоносный поход в землю ятвягов. В жару битвы дворский проявил большую храбрость и мужество, при том что был серьезно болен: «Андрееви же дворьскому сердце крѣпко имущу, нездравие же тѣло обдеръжаще и руди, потокшю же ему в ратные, копие упусти и замало не убиень бысть»¹⁷. Вероятно, Андрей был выдающейся личностью, если уж галицкий книжник посвятил ему столь теплые, необычные для его сурового сочинения слова.

В Галицко-Волынской летописи упоминаются и другие дворские Даниила Романовича. В 1235—1241/1242 г. на политической сцене Галицкой земли активно действует дворский-изменник Григорий Васильевич. Летом 1235 г. Даниил участвовал в войне между Владимиром Рюриковичем киевским и Михаилом Всеволодичем черниговским, приведшим половецкую орду. В битве с приведенными Михаилом половцами Даниил Романович потерпел поражение, потому что ему изменили бояре Молибоговичи и дворский. В половецкий плен попал и киевский князь: «Вълодимеру же ятому бывшю в Торцескомъ¹⁸ и Мирославу¹⁹, съветомъ безбожнаго Григоря Васильевича»²⁰.

После этого Даниил Романович на время утратил галицкий стол, а Григорий благополучно вернулся в Галич. Минуло три года, покуда старший Романович вновь завладел галицким столом. Его призвали горожане, галицкое вече. Бояре же во главе с дворским Григорием и епископом Артемием стремились противостоять желанию галичан: «Епискупу же Артемию и дворьскому Григорию възбранящю ему...». Однако это оказалось напрасным: «Узрѣвшима же, яко не можета удръжати града, яко малодушна блюдящася о предании града, изыдоста слезныма очима и ослабленнымъ лицемъ и лижюща уста своа, яко не имѣюща власти княженіа своего, рѣста же с нужею: “Прииди, княже Данило! Приими градъ!”»²¹.

Легко понять, что после вступления в Галич Даниил не пожелал иметь возле себя изменника и льстеца Григория и прогнал его. Но бывший дворский не смирился с утратой почетной и выгодной должности и продолжал принимать участие в борьбе феодальной оппозиции против Даниила. Случай отомстить государю представился Григорию после истребительного нашествия орд Батгя на Русь. Галичина и Волынь были опустошены, погибло множество народа, в боях с врагом сложил голову цвет рыцарства, в том числе дружинники и члены двора. Власть великого князя была поколеблена.

Весной 1241 г. Даниил Романович вернулся в Галич из Мазовии (куда уехал при приближении Батгя), где его гостеприимно принимал князь Болеслав. Дома против него вновь восстали галицкие земельные магнаты: «Бояре же галицъстии Данила князем собѣ называху, а сами всю землю

¹⁴ Князь Ростислав черниговский, возглавлявший авангард вражеского войска.

¹⁵ Галицко-Волынская летопись. С. 117.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 120—121.

¹⁸ Город Торческ на юге Киевской земли.

¹⁹ Ближний боярин Даниила.

²⁰ Галицко-Волынская летопись. С. 104.

²¹ Там же. С. 105.

держажу... Григория же Васильевича себѣ горнюю страну Премышльскую мысляше одръжати. И бысть мятежь великъ в земли и грабежь отъ нихъ»²². Другой великий боярин Доброслав даже вокняжился в галицком порубежном городе Бакоте на Днестре.

Как известно из летописи, среди великих галицких бояр никогда не существовало единства. Не стала исключением и благоприятная для них ситуация, когда они, казалось бы, взяли верх над князем. Минуло немного времени, они перессорились, и «присла Доброслав (к Даниилу. — Н. К.) на Григория, рече: “Невѣренъ ти естъ”, — противляшеся ему (Григорий. — Н. К.) и сам хотяше всю землю (Галицкую. — Н. К.) одръжати»²³. После этого оба боярина приехали... к Даниилу, дабы он рассудил их!

Обращение всевластных вроде бы Доброслава с Григорием к государю, которого они еще недавно пытались публично унижить, свидетельствует о живучести системы феодальной иерархии, суровых законов вассалитета-сюзеренитета в общественном сознании и обычном праве. Ведь Даниил Романович признавался обществом в качестве законного и авторитетного государя. Поэтому, когда Доброслав поссорился с Григорием, им больше ничего не оставалось, как обратиться за справедливым судом к своему господину. Даниил воспользовался случаем, дабы покончить с ними обоими: «Слышавъ же Даниль рѣчи ихъ, яко полны суть лъсти (лжи. — Н. К.), и не хотяъ по воли его ходити, и власть его иному предати, смысливъ же се съ братомъ, по нужи же видя беззаконие ихъ, повелѣ я изымати»²⁴. Это был важнейший успех Романовичей в борьбе с мятежным боярством за восстановление целостности Галицко-Волынского княжества. Вероятно, оба боярина закончили жизнь в подземелье одного из замков Даниила. Кажется, история горделивого Григория Васильевича остается единственной в своем роде в древнерусских источниках. Другие случаи восстания дворского против государя на Руси мне неизвестны.

Последним дворским Даниила Романовича, если судить по летописи, был Алексей, единожды упомянутый в Галицко-Волынском своде, зато в исключительно ярком описании короткой и победоносной войны с литовцами. Осенью 1255 г. Литва напала на Волынь вблизи Луцка. Романовичи не знали о нападении, и против захватчиков выехали чины их двора с небольшим войском: «Служащии же князи Данилови и людие Василкови, Гюргий, Олекса дворьскый, и инии ехаша на ня». Удар русского войска был настолько сильным и неожиданным, что литовцев загнали в озеро. Летописец эмоционально восклицает: «И тако погрязаху, агтеломъ потопляеми отъ Бога посланнымъ, и нагрязе же озеро труповъ и щитовъ и шеломовъ... И бысть на Литву сѣча велика»²⁵.

Тысяцкий. Думаю, что этот высокий чин в Галицко-Волынском княжестве стоял лишь на ступеньку ниже дворского и был вторым в придворной иерархии. Тысяцкие бывали княжеские и земские, последние в больших городах. Подробно рассмотрел роль и место тысяцкого во властных структурах Древней Руси М. С. Грушевский. Его выводы сохраняют значение и в наши дни. Историк заметил, что сама служба тысяцкого берет начало от десятичной системы земской организации и возникла задолго до складывания примитивной княжеской администрации (как было сказано выше, дружинного характера). С самого начала тысяцкий был военным служащим, но со временем десятичная организация русского общества приобретала административный, княжеский характер. Длительное время тысяцкий был военным начальником города и его округи²⁶. Среди работ последних лет, в которых упомянуты галицкие тысяцкие, выделю солидное исследование М. Б. Свердлова по истории княжеской власти и ее институтов в Древней Руси. Он останавливается

²² Там же. С. 110–111.

²³ Там же. С. 111.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 133.

²⁶ Грушевський М. Історія України-Руси. Львів, 1905. С. 233–235.

на традиции существования институтов княжеских тысяцких и воевод, отметив существование земских тысяцких в Галицкой Руси²⁷.

Далее речь пойдет о княжеских тысяцких, главным образом в Галиче. Южнорусские летописи нечасто и как-то неохотно упоминают о тысяцких, их чаще называют летописи севернорусские, в частности Лаврентьевская. Остановимся на ее сведениях о тысяцких в Киеве. Все они принадлежат эпохе удельной раздробленности. Под 1136 г. в источнике выступает Давид Ярунович, «тысячкый киевський», вероятно, земский. А вот под 1147 г. названы «Лазарь тысячський» земский и «Рагуйло Володимерь тысячський» князя Владимира Мстиславича, тогда князя волынского. В бурных событиях в Киеве 1147 г., развернувшихся после убийства князя Игоря Ольговича, Лаврентьевская летопись упоминает двух тысяцких: княжеского Рагуйла и земского Лазаря²⁸. В 1164 г. вспыхнула распря в стане черниговских Ольговичей. После смерти отца Святослава Ольговича его сын Олег враждует с двоюродным братом Святославом Всеволодичем. В распри принял активное участие «Гюрги (Юрий) тысячкый»²⁹, явно черниговского происхождения. А в 1169 г. правнук Владимира Мономаха Мстислав Изяславич не без борьбы с родней захватил Киев. Его вспомогательная конница черных клобуков стремительно ворвалась в город: «А берендичи пустив на воропъ, и на болоньи отъ Днѣпра, зажгоша дворъ тысячкого Давыда»³⁰. Но ни эти, ни подобные им скудные упоминания источников XII в. не могут дать нам реального представления о тысяцких в Южной Руси. Несколько дополняют картину известия о них в Галицко-Волынской летописи XIII в.

Относительно часто называют тысяцких новгородские летописцы. Во всех известных мне случаях упоминаются земские, городские тысяцкие, игравшие одну из главных ролей в политической жизни Новгородской боярской республики. Обычно они действуют совместно с посадником, главой земской власти Новгорода, и в политических событиях по большей части противостоят князю, приглашаемому новгородской общиной. Воспользуемся Новгородской первой летописью старшего и младшего изводов.

В 1215 г. в летописи сообщается о том, что после того, как Мстислав Мстиславич Удатный покинул город и отправился овладевать Галичем, новгородцы послали за Ярославом Всеволодичем, внуком Юрия Долгорукого, «Юрья Иванковица посадника и Якона тысячкого, и купецъ старѣших 10 мужъ»³¹. Своеобразной новгородской традицией стало со временем отнимать должности одновременно и у посадника, и у тысяцкого. Под 1219 г. в источнике читаем: «Тогда же отъяша посадничество у Твердислава... а тысячкое у Якуна отъяша». То же самое видим в летописи под 1286 г.: «На зиму отъяша посадничество у Сѣмена и даша Андрѣю Климовичю, а тысячкое отъяша у Ивана и даша Андрѣяну Олферьевичю»³². Все это происходило согласно постановлению новгородского веча.

Подобно посаднику, тысяцкий в Новгороде нередко делался жертвой городских волнений, борьбы между разными боярскими партиями, а то и просто взрыва гнева толпы. Когда в 1228 г. князь Ярослав поссорился с архиепископом Антонием (главой земского правительства Новгорода), в городе вспыхнуло восстание: «И поидоша с вѣця... на тысячкого Вячеслава, и розграбиша дворъ его и брата его Богуслава и Андрѣица, владычня столника»³³. Из этого можно понять, что на вече победила партия, поддержавшая князя. А через два года во время очередного «мятежа» в городе толпа созвала вече и «даша посадничество Степану Твердислаличю, а тысячкое Микитѣ Петриловичю»³⁴.

²⁷ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь.

²⁸ ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 304, 316–318.

²⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 252.

²⁹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 357–358.

³⁰ Там же. С. 365, 366.

³¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 252.

³² Там же. С. 260, 326.

³³ Там же. С. 273.

³⁴ Там же. С. 278.

Можно прибавить к этому, что в Галиче XIII в. по летописи не прослеживается связи между княжеским тысяцким и городской общиной. Этот тысяцкий, скорее всего, ей противостоит, не говоря уж о его отношениях с враждебными Романовичам боярами: точно так же, как и дворский, он упорно и настойчиво борется с ними. Совсем иначе вели себя земские, городские тысяцкие, существование которых в Галицко-Волынской Руси доказано летописью. Это была пережиточная особенность общественного строя Галицкой земли, берущая начало во времена позднего (середина XII в.) складывания Галицкого княжества Ростиславичей. В нашей летописи такие земские тысяцкие порой выступают как активные участники политической жизни.

В 1219 г. недовольный вокняжением Мстислава Мстиславича в Галиче венгерский король Бела решил силой отнять у него город и землю. Венгерское войско, к которому примкнули польские отряды, двинулось на Перемышль, юго-западные ворота Галицкого княжества. Летописец коротко заметил: «Аронови же тогда тысяцю дрежацю в Перемышли, избѣже предъ ними»³⁵. Этот земский тысяцкий заботился прежде всего о благополучии бояр Перемышля и округи, ему безразличны были интересы простых людей. Точно так же в 1227 г. другой перемышльский тысяцкий распахнул ворота перед венграми.

Тогда галицкий князь Мстислав «по съвѣтѣ живыхъ бояръ галицкихъ вдасть дѣщеръ свою меншую за королевича Андрія и дасть ему Перемышль». Но королевич почему-то не осмелился войти в Перемышль, а вернулся в Венгрию и «нача въздвизати рать; бывши же зимѣ, прииде к Перемишлю». Следует отметить, что положение коменданта этой крепости было двусмысленным: с одной стороны, галицкий князь незадолго перед тем добровольно отдал Перемышль Венгрии, а с другой — королевич Андрей почему-то собирается силой захватить город. «Юрєви тогда тысяцю дрѣжацю, преда Перемишль и бѣжа самъ къ Мстиславу»³⁶. Возможно, окружение недалекого князя Мстислава передумало, и он решился защищать Перемышль. А городской тысяцкий с дорогой душой отдал город врагу, вероятно, под давлением враждебных Мстиславу бояр.

Галицко-Волынская летопись содержит немало известий о галицких тысяцких, позволяющих представить, пусть в общем виде, этих чинов галицкого княжьего двора, их статус и круг обязанностей. Начну с того времени, когда Даниил Романович достиг совершеннолетия и мать передала ему власть, уйдя в монастырь. Это произошло в 1219 г.

Тысяцкий князя Даниила Дмитрий действует рядом с ним уже в первый год самостоятельной деятельности этого старшего сына Романа. Тогда Даниил по поручению своего тестя, галицкого князя Мстислава, защищал Галич от венгерско-польского войска. Когда Мстислав потерпел поражение в битве с поляками на Кровавом Броде и был вынужден уйти из Галицкой земли, он велел зятю: «Изыди из града!» Даниль же изыде и з Дѣмитромъ тысяцкимъ...»³⁷. Но еще раньше, когда Даниилу едва исполнилось десять лет, в его окружении появляется боярин Демьян, которого через те же десять лет летописец назовет тысяцким.

В 1211 г. венгерское войско и объединенные силы западнорусских князей идут на Галич, чтобы отбить его у пришельцев — черниговских князей Игоревичей. От Василька, княжившего тогда в волынском городе Белзе, пришли люди его двора со своими отрядами, среди них «Демьянъ и Воротиславъ, и инии бояре мнозии»³⁸. В этом фрагменте источника должность Демьяна еще не обозначена, он назван среди нескольких бояр. А согласно рассказу Галицко-Волынского свода о событиях 1221 г., он уже занимал одну из высших должностей во дворе Даниила Романовича. Тогда Мстислав Мстиславич отбивал у венгров Галич, и ему помогал зять: «Данилови бо приехавшу в малѣ дружинѣ съ Демяномъ тысяцкимъ»³⁹.

³⁵ Галицко-Волынская летопись. С. 85.

³⁶ Там же. С. 92.

³⁷ Там же. С. 86.

³⁸ Там же. С. 82.

³⁹ Там же. С. 87–88.

Но случилось, что «малой дружиной», воинским контингентом княжеского двора, командовал сам государь. Тогда тысяцкому могли доверить княжеский полк. В 1230 г. во время яростной и кровавой борьбы с боярством «Данилови же събравшу вои вборзѣ, посла Демяна на Судислава, а самъ иде в малѣ дружинѣ къ Галичю... Судиславъ не стерпѣ передѣ Демианомъ, но побѣже в Галичъ», следовательно, стратегический план Романовича был выполнен. Боярский предводитель был загнан в город, после чего ему пришлось вскоре капитулировать. Даниил осадил Галич, и к нему «прииде же Демянъ съ всѣми бояры галицкыми»⁴⁰ — они перебежали к князю, убедившись в том, что сила на его стороне.

Верный слуга и соратник своего господина, Демян был храбрым воином, стойким в бою и умевшим зажечь воинов на битву. В том же 1230 г. Даниил Романович поручил ему защищать Галич от венгерского королевича: «Изыде же Бѣла риксъ, рекомый король угорьский»⁴¹, в силѣ тяжцѣ, рекшу ему, яко: “Не имать остатися градъ Галичъ, нѣсть кто избавляя и отъ руку моею!”»⁴². Этими словами открывается написанная в лучших традициях средневековой изящной литературы особая повесть о неудачном нападении венгерского королевича на Галич⁴³. Здесь и похвальба венгерского принца, заявившего, что против него никто не сможет устоять, и Господня помощь Даниилу и Васильку, и «рана (кара. — Н. К.) фараонова», насланная Господом на венгров (эпидемия), и ангел, истребляющий захватчиков. Даже Днестр, тогда разлившийся, сравнивается ученым книжником с библейской рекой Скрыртом... М. С. Грушевский по поводу этой повести заметил: «Что же касается стиля повествования, то кроме нескольких выразительных библейских иллюзий... имеем в нем и стилистическую имитацию рассказа пророка Исайи»⁴⁴.

Вражеская угроза не испугала Демяна. Напрасно посол венгерского королевича повторял слова Бельи: «Слышите словеса великого короля угорьскаго, да не уставяеть власть Демянъ, глаголя: и земля изметъ, ны Богъ, ни да уповаеть вашъ Даниль на Господа, глаголя: “Не имать предати градъ съй королеви угорьскому...”». Но тысяцкий вновь явил мужество: «Демианъ же одинако крѣпляшеса, грозы его не бояся»⁴⁵, выиграл время и помог князю отстоять Галич от врага.

Летом 1232/1233 г. венгерское войско во главе с королевичем Андреем вновь двинулось на Галич. Князь вышел навстречу врагу, и его войско двигалось следующим образом: «Василкови же идущю противу угромъ, а Демяну тысяцкому идущю и инѣмъ полкомъ многымъ ошую, Даниль же идяще полкомъ своимъ посреди»⁴⁶. Тысяцкий Демян продолжал оставаться тогда одним из главных воевод своего князя. В классическом для Древней Руси трехчленном боевом порядке он командовал левым крылом.

Верный своим сюзеренам Романовичам Демян зорко следил за происками галицких великих бояр, усилившимися на рубеже 20–30-х г. XIII в. В 1230 г. «крамоле (заговору — Н. К.) же бывши въ безбожныхъ боярехъ галицкыхъ» — они замыслили заманить Даниила Романовича на пир в боярский замок Вишню, принадлежавший «Филипу безбожному», и там его убить. Но когда государь собирался в Вишню, «прійде къ нему посоль отъ тысяцкого его Демяна, рекшу ему, яко: “Пиръ ти золь есть, яко съвѣщано есть безбожнымъ бояриномъ Филипомъ и братучядомъ твоимъ Олександромъ»⁴⁷, яко убіену ти быти”»⁴⁸.

Вероятно, тысяцкий Демян был человеком выдающихся способностей. В первой половине 20-х годов Даниил Романович неоднократно использовал его в качестве дипломата.

⁴⁰ Там же. С. 97.

⁴¹ Бела тогда был наследником престола, а королем был его отец Андрей II (умер в 1235 г.).

⁴² Галицко-Волынская летопись. С. 98.

⁴³ Котляр Н. Ф. Комментарий // Галицко-Волынская летопись. С. 224–225.

⁴⁴ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 3. С. 48.

⁴⁵ Галицко-Волынская летопись. С. 98.

⁴⁶ Там же. С. 101.

⁴⁷ Двоюродный брат Романовичей, князь Белза, правивший в Волынской земле, неоднократно упоминающийся в летописи.

⁴⁸ Галицко-Волынская летопись. С. 99.

В 1221 г. князь оказался в сложном положении: его зажали с двух сторон соперник в борьбе за Вольшь белзский князь Александр Всеволодич и краковский государь Лешек Белый, также претендовавший на Вольшьскую землю. Им помогал и венгерский король. «В то же время отступилъ бѣ Олександръ (изменил Романовичам. — Н. К.) и сътвори миръ с Лесткомъ и Коломаномъ⁴⁹, и с Филею грѣдымъ⁵⁰, Романовичема не престааша хотя зла»⁵¹. Дабы расстроить вражескую коалицию, Даниил прибегнул к дипломатическим средствам.

Из беглого замечания летописца известно, что Романовичи подбили Литву напасть на Польшу, и это сделало Краков более уступчивым на переговорах с Русью («по литовскомъ воевании на ляхы сътвори миръ Лестко съ Даниломъ и Василкомъ»). На переговорах Романовичей представлял тысяцкий Демьян. Следствием договора было то, что «отступи Лестко отъ Александра». Даниил сразу же использовал результаты соглашения: «В субботу же на ночь поплнено бысть около Белза и около Червна Даниломъ и Василкомъ»⁵². Ключевую роль в подготовке и заключении мира сыграл Демьян.

Минуло четыре года, и Романовичам вновь пришлось воевать против Александра белзского, вступившего в союз с тестем Даниила Мстиславом, который тогда враждовал с зятем. После удачного для Романовичей завершения кампании «бывшимъ посломъ отъ обоихъ, и пущень бысть Деміанъ и Андрѣй» для подписания мира⁵³.

Как видим, деятельность тысяцкого Демьяна была активной и разноплановой. В его лице государь имел верного, умелого и опытного чиновника, проводившего линию князя самоотверженно и удачно. Во времена Даниила Романовича тысяцкие были высокими должностными лицами и служили государю — за исключением предателя Григория Васильевича — и были в его руках важным орудием осуществления власти в княжеской столице и стране в целом.

Печатник. В громадном фонде древнерусских источников, главным образом летописей, существует лишь несколько упоминаний о «печатнике», хранителе княжеской печати, канцлере, одном из высших чинов двора государя. Все они принадлежат Галицко-Вольшьскому своду. Ни в одном другом княжеском дворе на Руси в XIII в. этой должности не существовало, если, конечно, доверять летописанию и словарям древнерусского языка.

Впервые княжеский печатник Кирилл появляется на страницах Галицко-Вольшьской летописи в пересказе событий 1241 г. в роли воеводы своего государя. После «Батьева погрома» подняла голову феодальная оппозиция в Галицкой земле, со времени утверждения Даниила Романовича в Галиче в 1238 г. притихшая и лишь ожидавшая благоприятного времени, чтобы подняться против своего государя. Это время настало после опустошительного нашествия монголов на Русь в 1237—1241 г. Летописец отмечает: «Ростиславъ⁵⁴ събралъ князи болоховские и останокъ галичанъ, прииде ко Бакотъ»⁵⁵. Следует объяснить эту запись источника.

Воспользовавшись ослаблением власти Романовичей в Галицко-Вольшьской Руси, Ростислав Михайлович черниговский отважился на попытку овладеть Галичем и вступил в сговор с болоховскими «князьями», привлекая к своему предприятию еще и часть галицкого боярства. Эти болоховские «князья», так же как и сама Болоховская земля, в которой они, наверное, правили, принадлежат к числу загадок древнерусской истории XII—XIII в. Согласно свидетельствам Галицко-Вольшьской летописи (с учетом актового материала XVI—XVII в.), Болоховская земля

⁴⁹ Венгерский королевич.

⁵⁰ Венгерский сановник, приставленный королем к сыну.

⁵¹ Галицко-Вольшьская летопись. С. 88.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 91.

⁵⁴ С середины 30-х г. XIII в. зарившийся на Галич и Галицкую землю.

⁵⁵ Галицко-Вольшьская летопись. С. 111.

простирались в верховьях Южного Буга, бассейнах рек Горыни, Случа и Тетерева⁵⁶. Летописцы XII—XIII в. называют восемь болоховских городов: Болохов, Деревич, Губин, Кобудь, Кудин, Городище, Божьский и Дядьков. Это были в основном замки с немногочисленным населением и слабо развитым хозяйством.

Самим болоховским князьям посвящена немалая научная литература. Одно время их считали волохами или торками, но большинство историков уверены в их принадлежности к славянам. Следует считать упрощенным взгляд на болоховских князей как на местных, главным образом галицких, бояр, которых помиловали татары, и за это они признали власть Орды и служили ей. Ближким к истине представляется мнение М. С. Грушевского, согласно которому болоховские князья возглавляли независимые от какого бы то ни было князя городские и сельские общины. Ученый называл их поборниками областной самостоятельности и противниками централизованного государственного строя. Ему принадлежит тонкое высказывание: «Представителями княжеско-дружинного строя они не были, а были князьями в значении преддружинном»⁵⁷.

Как известно, Галицкое княжество возникло довольно поздно в сравнении с другими княжествами Юго-Западной Руси, лишь в 40-е годы XII в. Оно развилось из территорий двух волостей: Перемышльской и Теребовльской, находившихся во владении князей Ростиславичей, а также благодаря освоению земель на юге, западе и севере. Только в начале XII в. в центральной части Галицкой земли, начавшей тогда формироваться, рождаются новые феодальные города: Звенигород и Галич⁵⁸. Но даже в начале XIII в. Галицкое княжество оставалось недостаточно консолидированным. Поэтому, как только в 1205 г. погиб в Польше великий князь Роман Мстиславич, оно вновь раздробилось. Слабость центральной власти в Галицкой земле, недостаточная «окняженность» ее территории были главными причинами того, что окраины почти не ощущали этой власти, тем более — расположенные на стыке территорий нескольких княжеств. А Болоховская земля как раз и лежала там, где сходились Киевская, Галицкая и Волынская земли.

Поэтому есть основания считать, что Болоховская земля оставалась независимой и в XII, и в первом десятилетии XIII в. и пребывала вне структуры какого бы то ни было княжества, пока на нее не распространили власть Романовичи. В этой земле, можно думать, сохранялись социальные отношения, свойственные поздней фазе существования родоплеменного строя. Не случайно летописцы ни разу не называют по имени ни одного из болоховских «князей»: общество находилось на стадии, когда власть вождя еще не стала наследственной, а сам вождь («князь») еще не возвысился над племенной верхушкой. Нельзя принять и часто высказывавшуюся мысль, будто бы болоховские князья были какими-то провинциальными Рюриковичами. Если бы они были Рюриковичами, то летописи обязательно назвали бы их всех по имени⁵⁹, отметили бы время рождения, женитьбы и кончины⁶⁰.

В стране было неспокойно, поэтому «Курилу же сущу печатнику тогда в Бакоте, послану Даниломъ князем и Василкомъ исписати грабительства нечестивыхъ бояръ, утѣшити землю»⁶¹. Кирилл, впервые упомянутый в приведенном фрагменте летописи, был одним из ближайших сподвижников Романовичей. Около 1243 г. галицкий летописец назовет его митрополитом, но

⁵⁶ Дашкевич Н. Болоховская земля и ее значение в русской истории. Киев, 1876; *Его же*. Еще разыскания и вопросы о Болохове и Болоховцах. Киев, 1899; Терещук К. І. До питання про локалізацію Болохівської землі // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976.

⁵⁷ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 3. С. 155—157.

⁵⁸ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII в. Киев, 1985. С. 75—117.

⁵⁹ Даже если бы младенец-Рюрикович мужского пола прожил всего два-три дня, то и в этом случае о нем непременно упомянула бы летопись.

⁶⁰ Котляр Н. Ф. Племенная знать в процессе формирования феодального класса Южной Руси (на материалах Болоховской земли) // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 98—101.

⁶¹ Галицко-Волынская летопись. С. 111.

посвящение Кирилла в сан митрополита состоялось во время его пребывания в Никее в 1246 г., где его рукоположил православный патриарх. Впоследствии Кирилл разошелся с Даниилом из-за оживленных отношений того с папским престолом (которых он не одобрял) и отъехал к Александру Невскому во Владимир на Клязьме, где находился с 1251 по 1264 г., до смерти этого князя. Во второй половине 60–70-х г. XIII в. жил в Киеве, занимая престол общерусского митрополита. Умер он 21 ноября 1281 г. в Переславле-Залесском⁶². Но в начале 40-х годов Кирилл принадлежал к числу полководцев Романовичей.

В то же время Кирилл был не только церковным иерархом и воеводой, но и опытным, очевидно, администратором, уж если государь поручил ему защищать беспокойный южный рубеж Галицкой земли, определить размер бесчинств и злодеяний, нанесенных боярами этому региону. На него возлагалось также задание дать отпор войску Ростислава и враждебным боярским отрядам. Отбросив противника от валов Бакоты, Кирилл пристыдил Ростислава Михайловича, напомнив ему о тех благодеяниях, которые он с отцом получил от Даниила в лихую годину Батыевого нашествия. Но тот гордо отказался выслушать печатника. Тогда «видевъ же непослушанье его (Ростислава. — Н. К.), и изыде на ня с пѣшьци, онъ же увидѣвъ то, пойдѣ прочь». Сам же Даниил Романович во главе своего войска «устребися на ня, грады ихъ (болоховцев. — Н. К.) огневи предасть и гребля ихъ роскопа». Ростислав побежал далеко за Днепр. Дело разгрома болоховских князей довершил княжий печатник: «Прійде же Куриль, печатникъ князя Данила, съ тремя тысячами пѣшець и тремя сты конникъ, и въдасть имъ взяти Дядьковъ градъ», после чего «плѣнивъ землю Болоховъскую и пожегъ...»⁶³.

Через год, в 1242 г., ввиду возвращения монголо-татарских орд из Европы, возникла опасность для княжества Романовичей. Поэтому «Даниль же затвори Холмъ⁶⁴, еха ко брату си Василкови⁶⁵, и поима съ собою митрополита Курила»⁶⁶. А осенью 1246 г. «Куриль бо бѣ митрополитъ идяше посланъ Даниломъ и Василкомъ на поставление митрополье руское»⁶⁷.

При том что существовала общая для всей Руси Киевская митрополия, Даниил Романович решился основать общерусскую митрополию в своем княжестве, что могло бы безмерно повысить международный авторитет и княжества, и его государя, официально сделав его первым среди древнерусских князей. Эта попытка облегчалась тем, что митрополичья кафедра в Киеве оставалась незамещенной после разрушения стольного града во время монголо-татарского нашествия. Присланный в 1237 г. византийским патриархом грек Иосиф⁶⁸ источниками с того времени не упоминается. Он либо бежал в Византию, либо погиб.

Если вспомнить, что в 1240–1242 г. Даниил Романович распространил свое политическое влияние на Киев, то для него было естественно заняться судьбой митрополичьего стола. Он выбрал из своего окружения кандидата в митрополиты по имени Кирилл, явно русского происхождения. Его без особенных трудностей посвятили в митрополиты в Никее в 1246 г.⁶⁹

Политик с головы до ног, Даниил использовал сугубо церковную, казалось, поездку Кирилла в Никею для налаживания отношений с венгерским королем. Летописец констатирует: «Бывшую ему (Кирилу. — Н. К.) у короля, убѣди и король словы многими, дары увещеваа, яко: “Проведу ты у Греки с великою честию, аще створить Даниль съ мною миръ”». Кирилл потребовал клятву

⁶² Творогов О. В. Кирилл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 225–227.

⁶³ Галицко-Волынская летопись. С. 112.

⁶⁴ Непрístupная крепость Холм в северо-западной Волыни стала после монгольского нашествия фактической столицей Даниила Романовича.

⁶⁵ Находившийся во Владимире-Волынском.

⁶⁶ Галицко-Волынская летопись. С. 113. Характерное для Галицко-Волынского свода забегание вперед: ведь Кирилл был поставлен митрополитом лишь через четыре года, о чем речь идет в приведенной мною следующей записи источника.

⁶⁷ Там же. С. 119.

⁶⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 285.

⁶⁹ Галицко-Волынская летопись. С. 119–120.

у Бела IV, что тот будет придерживаться договора с Даниилом. Получив заверения в этом, он вернулся к своему государю и посоветовал ему: «Поими дъщерь его сыну си женѣ». После этого «Данило поиде, поемь сына своего Льва и митрополита, и иде къ королеви въ Изволинѣ, и поа дщерь его сыну»⁷⁰.

Тогда в венгерском городе Изволине был заключен важный для обеих сторон договор, согласно которому наряду с прочим состоялась передача королю знатных венгерских пленных, захваченных Романовичами в Ярославской битве летом 1245 г. Это было проявление доброй воли со стороны Даниила. Брак Льва Даниловича с венгерской принцессой Констанцией своеобразной печатью скрепил соглашение. Он отмечен и в венгерском источнике⁷¹. Наша летопись подчеркнула важную роль Кирилла в деле заключения этого династического брака.

Подытоживая сказанное, отмечу, что Кирилл был человеком сильного характера и выдающихся государственных способностей. Он храбро бился с врагами, умело командовал войском, успешно вел переговоры с венгерским королем. Изученные мною тексты Галицко-Волынского свода вновь убеждают в том, что на Руси придворные чины и должности не были закреплены за определенными личностями, если уж печатник использовался в качестве воеводы, а высокий церковный иерарх посылался за рубеж как дипломат.

(Продолжение в следующем номере журнала)

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. Ed. G. Vencel. Pest, 1864. Т. 4. Р. 13.